

Уильям Шекспир

*Как вам это
понравится*

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

**Как вам это понравится.
Перевод Юрия Лифшица**

«Издательские решения»

Шекспир У.

Как вам это понравится. Перевод Юрия Лифшица /
У. Шекспир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832555-7

Одна из лучших комедий У. Шекспира в свежем переводе переводчика и поэта Юрия Лифшица. Искрометный юмор, тонкие философские размышления, блестящие диалоги и проникновенные монологи — все это бережно передано переводчиком, сделавшим переложение произведений британского барда делом всей своей жизни. Книга предназначена для любителей занимательного и вместе с тем вдумчивого чтения. В оформлении обложки использована картина шотландского художника Роберта Уокера Макбета (1848—1910) «Розалинда».

ISBN 978-5-44-832555-7

© Шекспир У.
© Издательские решения

Содержание

Действующие лица	6
Акт первый. Сцена первая	7
Акт первый. Сцена вторая	10
Акт первый. Сцена третья	16
Акт второй. Сцена первая	20
Акт второй. Сцена вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Как вам это понравится

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

© Уильям Шекспир, 2017

ISBN 978-5-4483-2555-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, живущий в изгнании.

ФРЕДЕРИК, брат герцога, узурпатор.

АМЬЕН, ЖАК, вельможи при изгнанном герцоге.

ОЛИВЕР, ОРЛАНДО, ЖАК, сыновья Роланда де Бора.

АДАМ, ДЕНИ, слуги Оливера.

ТОЧИЛЛИ, шут.

ОЛИВЕР ПУТАНС, священник.

КОРИНН, СИЛЬВИЙ, пастухи.

ВИЛЬЯМ, деревенский парень, влюбленный в Одри.

ПАСТУХ, изображающий Гименея.

РОЗАЛИНДА, дочь изгнанного герцога.

СЕЛИЯ, дочь Фредерика.

ФЕБА, пастушка.

ОДРИ, деревенская девушка.

ВЕЛЬМОЖИ, ПАЖИ и СЛУГИ.

Место действия – дом Оливера; двор Фредерика; Арденнский лес.

Акт первый. Сцена первая

Сад перед домом Оливера.

Входят ОРЛАНДО и АДАМ.

ОРЛАНДО. Насколько я помню, Адам, мне и моему брату Жаку отец завещал по жалкой тысяче крон с тем, чтобы наш старший братец позаботился о нашем воспитании. С тех пор жизнь моя пошла наперекосяк. Жаку было дозволено ходить в школу, и о его сказочных успехах идет молва. Я же, по прихоти старшего брата, получал домашнее образование, то есть торчал дома, как обыкновенный простолюдин. Чем же я, воспитанный таким вот образом, буду отличаться от быка в стойле? Даже у лошадей брата участь завидней: их не только кормят, но и обучают всяким лошадиным премудростям. А ведь жокеи обходятся недешево. А мне, своему родному брату, Оливер милостиво разрешил расти как мне вздумается, за что я обязан ему не больше свиньи, добывающей пропитание на помойке. И за эту свою милость он, кажется, решил убить во мне ту малость, источником которой является сама природа: кормит меня наравне со слугами, не считает за брата и всячески вытравливает из меня врожденное чувство собственного достоинства. Это наконец невыносимо, Адам. Кровь отца, текущая в моих жилах, буквально вскипает от подобного унижения. Так больше продолжаться не может, хотя я ума не приложу, как выйти из этого положения.

АДАМ. А вот и мой господин, ваш брат.

ОРЛАНДО. Притаись где-нибудь, Адам, и ты лишний раз увидишь, как он издевается надо мной.

Входит ОЛИВЕР.

ОЛИВЕР. И что ты здесь творишь?

ОРЛАНДО. Ничего. Меня ничему не учили, чтобы я мог заниматься каким-либо творчеством.

ОЛИВЕР. В таком случае – что ты здесь вытворяешь?

ОРЛАНДО. Благодаря вам, сэр, я своим бездельем вытворяю такое над изделием Творца – вашим пропащим братом...

ОЛИВЕР. Воля твоя, твори, что хочешь, только постарайся не попадаться мне на глаза.

ОРЛАНДО. Что же мне, по-вашему, водить овец и питаться отрубями? Я разве промотал имение, чтобы превратиться в попрошайку?

ОЛИВЕР. Ты, видно, забыл, где находишься.

ОРЛАНДО. Как же, сэр, – в вашем саду.

ОЛИВЕР. Может, тебе напомнить, кто стоит перед тобою?

ОРЛАНДО. Не стоит. Память у меня не отшибло, чего не скажешь о том, кто стоит передо мною. Вы мой старший брат, и голос крови, благородной крови, мог бы вам напомнить о том, что и я вам не чужой. Вековая традиция, чтущая первородство, ставит вас выше, но не менее древние обычаи не отрицают моего родства с вами, будь между нами хоть двадцать братьев. У нас был один отец, но вы явились на свет раньше и только поэтому, видимо, притязаете на весь почет, который стяжал наш отец.

ОЛИВЕР. Ах ты молокосос!

ОРЛАНДО. Спокойнее, старшенький братец, спокойнее, у тебя самого еще молоко на губах не обсохло.

ОЛИВЕР. И ты дерзнул поднять на меня руку, подлец?!

ОРЛАНДО. Я не подлец. Я младший сын Ролана де Бора, дворянина, и трижды подлец тот, кто дерзнул назвать отпрыска такого отца подлым по происхождению. Не будь ты моим братом, я не успокоился бы, пока не выдрал из глотки твой гнусный язык! Ты унизил самого себя!

АДАМ (*подходя*). Не надо ссориться, добрые господа. В память вашего отца, обнимитесь.

ОЛИВЕР. Прочь руки, сказал!

ОРЛАНДО. погоди, я тебе еще не все высказал! Отец завещал тебе дать мне приличное образование, а ты растил меня среди мужиков, всячески третировал и мешал мне воспитываться в себе достоинства, присущие каждому шевалье. Дух отца взбунтовался во мне и не желает больше подчиняться произволу. Или я буду жить так, как подобает дворянину, или верни мне жалкие крохи, оставленные отцом, и я отправлюсь на поиски моей фортуны.

ОЛИВЕР. И чем ты займешься, когда прокутишь свою тысячу? Пойдешь с протянутой рукой? Впрочем, мне на тебя наплевать. Ты мне надоел. Бери свое добро и катись отсюда. Знать тебя больше не желаю.

ОРЛАНДО. Я не отстану от тебя, пока не получу своей доли.

ОЛИВЕР. И ты катись вместе с ним, старый пес!

АДАМ. Старый пес? И это за все мои труды! Однако вы правы: этот пес на вашей службе потерял все зубы. Царствие небесное моему старому хозяину! Он никогда не обидел бы верного слугу.

(ОРЛАНДО и АДАМ *уходят*.)

ОЛИВЕР. Вот, значит, как! Ты подрос и начинаешь тяфкать, юный наглец? Но я тебя укорочу, а тысячи крон ты не увидишь как своих ушей. Эй, Дени! Где ты там?

Входит ДЕНИ.

ДЕНИ. Что вам угодно, ваша милость?

ОЛИВЕР. Ко мне должен был прийти Карл, атлет герцога. Он хотел поговорить со мною.

ДЕНИ. Он уже пришел. Прикажете принять?

ОЛИВЕР. Да, пригласи его.

(ДЕНИ *уходит*.)

Ведь они завтра борются... Отличная мысль, честное слово!

Входит КАРЛ.

КАРЛ. С добрым утром, ваша милость.

ОЛИВЕР. Итак, милый Карл, что нового говорят при новом дворе?

КАРЛ. При новом дворе, сэра, старые разговоры. Новый герцог, как вы знаете, изгнал своего старшего брата, старого герцога, за которым по своей охоте последовали трое или четверо верных старику дворян. Их поместья и доходы с них достались новому герцогу, и поэтому он всячески поощряет охоту к перемене мест, возникшую у старого двора.

ОЛИВЕР. Скажите, а дочь старого герцога отправилась вместе с отцом?

КАРЛ. В том-то и дело, что нет. Как вам известно, у нее есть двоюродная сестра, дочь нового герцога. Их воспитывали вместе с колыбели, и они настолько привязались друг к другу, что одна или сопровождала бы другую в странствиях, или умерла бы с горя в разлуке с любимой

сестрой. Новый герцог почитает племянницу, оставшуюся при дворе, за собственную дочь. А уж как эти девушки любят друг друга – я вам и сказать не могу.

ОЛИВЕР. А где скрывается старый герцог?

КАРЛ. По слухам, в Арденнском лесу. Там подобралась прелестная компания молодых людей. Живут они себе припеваючи, как в доброй старой Англии времен Робин Гуда. Словом, у них там золотой век, да и только.

ОЛИВЕР. Вы, если не ошибаюсь, завтра боретесь при дворе нового герцога?

КАРЛ. Так точно, сэ, с этим-то я к вам и пришел. По словам верных мне людей, ваш младший брат Орlando намерен явиться инкогнито ко двору герцога и принять мой вызов. Завтра, сэ, будет поставлена на карту моя честь, и дешево отделается тот, кто после схватки со мной не досчитается одного-двух ребер. Брат ваш еще очень молод и чувствителен к боли. Из любви к вам я бы не хотел слишком сильно помять его, но если он все же рискнет сразиться со мной, то мне придется это сделать ради моей репутации. Я вас очень люблю и прошу или убедить юношу не становиться мне поперек дороги, или не обижаться на того, кто невольно огорчит вас. Во всем будет виновен ваш брат.

ОЛИВЕР. Благодарю тебя за любовь, Карл, и постараюсь отплатить тебе тем же. Когда я узнал о замыслах брата, я пошел на все, чтобы отговорить его. Но он несговорчив. Надо тебе сказать, Карл, этот малый переупрямит во Франции кого угодно. Этому тщеславному юнцу действуют на нервы доблести других людей. Мало того, он втайне строит козни мне, своему родному брату! Делай с ним что хочешь. Можешь сломать ему все: от позвоночника до ступни. Я умываю руки. Но имей в виду: если ты не отделаешь его на славу или схватка с тобой закончится для него бесславно, берегись. Он подсыплет тебе яду, столкнет тебя в яму на охоте, будет отравлять тебе жизнь до тех пор, пока тем или иным способом не отнимет ее. Веришь ли, – у меня сердце кровью обливается, – веришь ли, я не знаю никого, кто в таком юном возрасте отличался бы подобной низостью. Если бы он не был моим братом, и я открыл бы тебе все его нутро, мне пришлось бы краснеть и плакать, а тебе – бледнеть и ужасаться.

КАРЛ. Я рад от всего сердца, что зашел к вам. Ну, если он завтра явится, я ему за вас отплачу. И чтоб мне никогда не побеждать в схватках, если потом он обойдется без костылей! Да хранит вас Бог, ваша милость!

ОЛИВЕР. До встречи, милый Карл.

(КАРЛ *уходит.*)

Надо сделать все, чтобы этот силач не остыл до поединка. Будем надеяться, он покончит с братом. Не помню, чтобы я ненавидел кого-нибудь так же, как его. С чего бы это? Брат вроде и учтив, и благородно настроен, и воспитан, хотя и не имел гувернеров. Сердца всех людей распаиваются перед ним, а мои домашние, знающие его с детства, души в нем не чают. Из-за него я вечно остаюсь в тени. Но скоро этому придет конец. Атлет герцога разгонит тучи. Надо только настроить мальчишку Пойду-ка разыщу его. (*Уходит.*)

Акт первый. Сцена вторая

Лужайка перед замком герцога.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

СЕЛИЯ. Ну, пожалуйста, Розалинда, сестричка моя милая, улыбнись.

РОЗАЛИНДА. Селия, радость моя, я и так поминутно улыбаюсь, а тебе хочется, чтобы улыбка навеки застыла на моем лице. Если твои уроки не заставили меня забыть изгнанного отца, то твои нравоучения не принудят меня вспомнить об оставленных мною удовольствиях.

СЕЛИЯ. Следовательно, моя любовь к тебе перевешивает твою ко мне. Вот если бы мой дядя стал герцогом, то есть если бы твой отец, изгнав моего, нас бы при этом не разлучил, то я из любви к тебе научилась бы считать твоего отца своим. И ты сделала бы то же самое, если бы любила меня по-настоящему, с такою же неподдельной пылкостью, с какою я люблю тебя.

РОЗАЛИНДА. Прикажешь мне забыть о безысходности моего положения и радоваться выгоде твоего?

СЕЛИЯ. Нет, я лишь хочу тебе напомнить, что у моего отца только одна дочь и что других детей у него нет и не предвидится. Так вот: когда он умрет, ты тоже будешь его наследницей. И все, что твой отец уступил моему поневоле, я возвращу тебе полюбовно. Клянусь небом, так и будет! И пусть я стану уродиной, если нарушу свой обет. Так неужели и теперь моя милая Роза, моя дорогая Линда не улыбнется?

РОЗАЛИНДА. Теперь, сестричка, я готова не только улыбаться, но и подумать о развлечениях. Кстати, не увлечься ли мне кем-нибудь? Что ты на это скажешь?

СЕЛИЯ. Пожалуйста. Сделай одолжение. Чем любовь не развлечение? Только не увлекайся подобными развлечениями всерьез. После любовного приключения твои щеки должны сохранить румянец невинности, а честь – не потерпеть никакого урона.

РОЗАЛИНДА. А как мы будем развлекаться?

СЕЛИЯ. Попробуем с помощью остроумия заставить милую бабушку-Фортуна внимательно следить за своим колесом, чтобы отныне она была щедра ко всем без исключения.

РОЗАЛИНДА. Ах, если бы у нас это получилось! Ведь она исключительно бестолкова в распределении благ. Особенную близорукость обнаруживает эта щедрая старушка, когда осыпает благодеяниями нас, женщин.

СЕЛИЯ. Ты права. Красавицам она порой отказывает в добродетели, а добродетельных зачастую наказывает отсутствием привлекательности.

РОЗАЛИНДА. Тут ты ошибаешься. Ты считаешь Фортуна владычицей в царстве Природы. Однако Фортуна распределяет в мире только материальные блага, тогда как внешностью награждает нас Природа.

Входит ТОЧИЛЛИ.

СЕЛИЯ. Как это – ошибаюсь? Разве Фортуна не может изуродовать красоту, созданную Природой? Если мы с помощью природного остроумия насмехаемся над Фортуной, то, может быть, именно Фортуна с помощью этого дурака обрезает нить нашего разговора.

РОЗАЛИНДА. Значит, Фортуна ни во что ставит Природу, если присланный Фортуной прирожденный придурок может срезать природного острослова.

СЕЛИЯ. Но может, ты все-таки права, и здесь замешана не Фортуна, а Природа? Что если мы, по мнению Природы, слишком тупо острим, хотя это не к лицу таким полубогиням, как мы? Тогда этот точильный камень, то есть этот дурак, направлен к нам именно Природой.

Сплошь и рядом о тупость дурака природные остряки затачивают свои остроты. – Эй, остро-слов, куда тебя несет?

ТОЧИЛЛИ. Меня послал ваш батюшка за вами, госпожа.

СЕЛИЯ. Ты теперь служишь ему послом?

ТОЧИЛЛИ. Клянусь честью, нет. Просто он велел мне позвать вас.

РОЗАЛИНДА. От кого ты узнал эту клятву, шут?

ТОЧИЛЛИ. От одного очень странного рыцаря. Мы ели с ним говядину с горчицей и заспорили: он клялся собственной честью, что говядина еще куда ни шло, а горчица никуда не годится, а я доказывал, что говядина никуда не годится, а горчица еще куда ни шло. И все-таки, если предположить, что я был прав, ложной клятвы рыцарь не дал.

СЕЛИЯ. А как ты убедишь в этом нас, ходячая палата ума?

РОЗАЛИНДА. В самом деле, спусти с цепи свое красноречие.

ТОЧИЛЛИ. Посмотрите друг на друга, возьмитесь за подбородки и поклянитесь своими бородами, что я плут.

СЕЛИЯ. Будь у нас бороды, мы бы поклялись ими, что ты плут.

ТОЧИЛЛИ. Будь я плутом, я бы тоже в этом поклялся. Но если бы вы поклялись тем, чего у вас нет, вы не дали бы ложной клятвы. Не солгал и тот рыцарь, поклявшись собственной честью, которой у него отродясь не было. Нет, возможно, она у него и была когда-то, но он утопил ее в ложных клятвах задолго до того, как ему подали говядину с горчицей.

СЕЛИЯ. О каком рыцаре, скажи на милость, ты ведешь речь?

ТОЧИЛЛИ. О том, который сейчас в чести, по милости вашего отца.

СЕЛИЯ. Тот, кто в чести у моего отца, не может быть бесчестным. Ты обнаглел, шут. Попридержи язык, пока тебе его не укоротили.

ТОЧИЛЛИ. Досадно, что дуракам запрещено разумно оценивать дурацкие поступки благоразумных людей.

СЕЛИЯ. Ты говоришь сущую правду. С тех пор как дуракам запретили пользоваться имеющейся у них каплей разума во благо умным, стала куда заметнее капля дурости, имеющаяся у благоразумных людей. Смотрите, к нам идет господин Де Форс.

РОЗАЛИНДА. Обремененный новостями.

СЕЛИЯ. Которыми он нас закормит, как голубь свой выводок.

РОЗАЛИНДА. И от этого мы растолстеем.

СЕЛИЯ. Благодаря чему приобретем более товарный вид.

Входит ДЕ ФОРС.

Здравствуйте, господин Де Форс. С чем это вы к нам пожаловали?

ДЕ ФОРС. Очаровательная принцесса, очень сожалею, но вы упустили возможность посмотреть поучительную картину.

СЕЛИЯ. Картину? А в каких тонах?

ДЕ ФОРС. Виноват, госпожа, но я не знаю, что вам ответить.

РОЗАЛИНДА. То, что подскажет остроумие и удача.

ТОЧИЛЛИ. Или присоветует провидение.

СЕЛИЯ. Ты хватил через край, шут.

ТОЧИЛЛИ. Как и положено шуту.

РОЗАЛИНДА. Тогда твое положение очень шатко.

ДЕ ФОРС. Сударыни, вы поставили меня в тупик. Я только хотел вам сказать, что вы упустили случай понаблюдать за поединком борцов, вот и все.

РОЗАЛИНДА. И что вы имели нам сообщить?

ДЕ ФОРС. С вашего разрешения, я начну с начала. Хотя состязание было прервано на самом интересном месте, окончание борьбы ваша светлость может увидеть здесь, потому что именно здесь схватка продолжится.

СЕЛИЯ. Прекрасно. Но где же ваше начало? Убито и зарыто?

ДЕ ФОРС. Вызов приняли старик и трое его сыновей...

СЕЛИЯ. Недурное начало для сказки.

ДЕ ФОРС. Трое добрых молодцев, писанных красавцев...

РОЗАЛИНДА. С надписью на шее: «Доводится до сведения каждого...».

ДЕ ФОРС. Не успел выйти старший брат, как борец герцога по имени Карл схватил его и ударил оземь. Боюсь, у молодого человека переломаны кости. Жизнь его висит на волоске. Среднего и младшего постигла та же участь. Они лежат без движения, а несчастный старик-отец горько сетует на постигшую их судьбу. Наблюдать за страданиями этой семьи выше человеческих сил.

РОЗАЛИНДА. Бедолаги!

ТОЧИЛЛИ. Виноват, господин Де Форс, какую такую поучительную картину не увидела очаровательная принцесса?

ДЕ ФОРС. Ту, о которой я только что рассказал.

ТОЧИЛЛИ. Не скоро, видимо, я поумнею. Я и не подозревал, что наблюдать за игрой в сломанные кости – поучительно для принцесс.

СЕЛИЯ. Разделяю твое недоумение.

РОЗАЛИНДА. Стало быть, еще нашлись охотники превратить свое тело в ударный инструмент? Или попасть на прием к костолому? Стоит ли нам смотреть на это, сестра?

ДЕ ФОРС. Если вы не уйдете с этой лужайки, вам придется стать свидетельницами борьбы. Как я уже говорил, она будет продолжена именно здесь и именно сейчас.

СЕЛИЯ. Делать нечего, остаемся. Тем более, что сюда уже идут.

Трубы. Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, ДВОРЯНЕ, ОРЛАНДО, КАРЛ и СЛУГИ.

ФРЕДЕРИК. Приступим. Если этот самоуверенный юноша глух к голосу разума, пусть пеняет на себя.

РОЗАЛИНДА. Кого имеет в виду дядя?

ДЕ ФОРС. Вон того молодого человека.

СЕЛИЯ. Бедненький, он и впрямь чересчур молод. Но, судя по его виду, не сомневается в своих силах.

ФРЕДЕРИК. Верить ли глазам? Селия, Розалинда? Неужели вы решили посмотреть на борьбу?

РОЗАЛИНДА. С дозволения вашей светлости.

ФРЕДЕРИК. Вряд ли вы получите удовольствие от схватки столь неравных противников. Жаль юношу, которому захотелось бороться с Карлом. Я пытался отговорить несчастного, но он еще больше разохотился. Может быть, вам удастся его отохотить.

СЕЛИЯ. Попросите его подойти к нам, милейший Де Форс.

ФРЕДЕРИК. Желаю вам преуспеть. А я отойду в сторону, чтобы не смущать его. (*Отходит.*)

ДЕ ФОРС (*подходя к ОРЛАНДО*). Господин охотник до борьбы, принцессам угодно пригласить вас для разговора.

ОРЛАНДО. Почту за честь повиноваться им.

РОЗАЛИНДА. Чего ради, юноша, вам пришла охота вызвать Карла?

ОРЛАНДО. Простите, очаровательная принцесса, это он возымел охоту вызвать всех кому не лень. А я, глядя на других, захотел узнать, чего стоят мои молодые силы.

СЕЛИЯ. Ах, юноша, вы по молодости лет склонны их переоценивать. Разве вы не видели, какие жестокие уроки дает этот силач? Если бы вам дано было увидеть себя в сравнении с ним и сделать из этого надлежащие выводы, то чувство самосохранения посоветовало бы вам укротить вашу смелость. Умоляем вас, подумайте о себе, оставьте ваше намерение, и оставайтесь целым и невредимым.

РОЗАЛИНДА. Нам бы этого очень хотелось, молодой человек. Герцог по нашей просьбе отменит состязание, и ваша честь не пострадает.

ОРЛАНДО. Поверьте, для меня сущее наказание – уронить себя в ваших глазах. С моей стороны грешно отказывать в чем бы то ни было столь очаровательным и блестящим леги. Да помогут мне ваши нежные взоры и благородные помыслы. Но если меня одолеют, утратит славу тот, кто никогда не имел ее; если убьют, могила примет того, кому нечем жить; меня не станут оплакивать друзья, которыми я не успел обзавестись; мир останется целым и невредимым, потому что мне нечего взять с собою; пустоту, образовавшуюся из-за моего ухода, заполнит тот, кто лучше меня.

РОЗАЛИНДА. Ах, если бы я могла влить в ваши силы каплю своих!

СЕЛИЯ. А я подлить свою.

РОЗАЛИНДА. Ступайте. И дай нам Бог ошибиться в вас!

СЕЛИЯ. И пусть воплотятся ваши самые заветные желания.

КАРЛ. Ну-с, где наш юный рыцарь, который желает до срока очутиться в объятиях матери-земли?

ОРЛАНДО. Он здесь, сэръ, но его желания не заходят так глубоко.

ФРЕДЕРИК. Напоминаю, проигравшим считается тот, кто упадет первым.

КАРЛ. Ваша светлость, хоть вам и не удалось отговорить его от первой попытки, на вторую вы его уже не уговорите. Это я вам обещаю.

ОРЛАНДО. Если вы до боя истратите все свои насмешки, едва ли вам придется посмеяться после него. Давайте начинать.

РОЗАЛИНДА. Сохрани тебя Геркулес, юноша!

СЕЛИЯ. Будь я невидимкой, я бы сбила с ног этого здоровяка.

КАРЛ и ОРЛАНДО борются.

РОЗАЛИНДА. Да он просто великолепен, этот юноша!

СЕЛИЯ. Ах, если бы мои глаза метали молнии, они бы знали кого поразить!

КАРЛ падает. Рукоплескания и крики.

ФРЕДЕРИК. Ну, хватит, хватит!

ОРЛАНДО. Ваша светлость, что вы?

Я даже не размялся.

ФРЕДЕРИК. Как там Карл?

ДЕ ФОРС. Увы, мой повелитель.

ФРЕДЕРИК. Унесите.

Как, юноша, зовут тебя?

ОРЛАНДО. Орландо.

ФРЕДЕРИК. А твоего отца?

ОРЛАНДО. Ролан де Бор.

Я младший сын его.

ФРЕДЕРИК. Я предпочел бы,

Чтоб не его ты называл отцом.

Снискал он уважение народа,
А для меня заклятым был врагом.
Тебя б я за победу наградил,
Будь не таким твое происхожденье.
Ты молод, смел, такие мне нужны.
Назвался бы ты иначе... Прощай.

(ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, СВИТА и ДЕ ФОРС уходят.)

СЕЛИЯ. На месте моего отца, сестрица,
Я так бы никогда не поступила!
ОРЛАНДО. Я младший сын де Бора, дворянина, —
Что титулы твои мне, Фредерик,
Когда такой отец был у меня!
РОЗАЛИНДА. В Ролане мой отец души не чаял.
Все разделяли мнение отца.
И если б молодой де Бор назвался,
Я б на коленях юношу молила
Не подвергать опасности себя.
СЕЛИЯ. Сестра, поздравим юного героя.
Завистливая отповедь отца
Буквально покорила меня. —
С победою заслуженною, сэра.
И если вы прославились в любви,
Как славьтесь в бою, благословенна
Возлюбленная ваша.
РОЗАЛИНДА. Шевалье!

(Снимает с шеи цепочку и подает ОРЛАНДО.)

Та, от кого Фортуна отвернулась,
Не только это вам бы отдала,
Но на руках оковы у нее.
Сестрица, мы идем?
СЕЛИЯ. Идем, сестрица.
До скорой встречи, милый шевалье.
ОРЛАНДО. Что же это я? Не поблагодарил?
Невежей стал? Бесчувственным столбом?
Стою как пень, как чучело для рубки!
РОЗАЛИНДА. Позвал он? Вот и гордости конец,
Как и надежде счастье обрести. —
Вы не меня позвали, шевалье?
И где вы так бороться наловчились?
Не одного соперника сегодня
Смогли вы на лопатки положить.
СЕЛИЯ. Ну, что же ты, сестра?
РОЗАЛИНДА. Иду. Прощайте.

(РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ уходят.)

ОРЛАНДО. Чем я смущен? Лишился языка?
Она ждала ответа – я смолчал.
Орландо злополучный! Ты повержен
Не силой мышц, а хрупкостью любви.

Возвращается ДЕ ФОРС.

ДЕ ФОРС. Я вам как друг советую, милейший,
Бежать и поскорей. Не обольщайтесь
Заслуженною славой при дворе:
Ее не в вашу пользу истолкует
Неистовый и злобный Фредерик:
Подвержен он немислимым страстям.
Я вас прошу мне на слово поверить,
И не рискуйте перепроверять.

ОРЛАНДО. Спасибо, сэ. Не скажете ли мне,
Которая дочь герцога из двух
Свидетельниц окончившейся схватки?

ДЕ ФОРС. По нраву, сэ, ни та и ни другая,
А по природе, – та, что ниже ростом.
А та, что выше, нежели сестра, —
Дочь прежнего владыки Розалинда.
Ей дядя-узурпатор разрешил
Остаться при двоюродной сестре:
Друг другу сестры ближе, чем родные.
Но герцога давно уж раздражает
Прекрасная племянница его,
И только потому, что все вокруг
Твердят о добродетелях ее
И сострадают дочери изгоя.
Но я клянусь, что скоро он сорвется,
И девушке несдобровать. Прощайте.
Когда наступят лучше времена,
Я к вам приду о милости просить.

ОРЛАНДО. Спасибо за участие. Прощайте.

(ДЕ ФОРС уходит.)

Я из огня да в полымя, бедняк:
Брат – враг по крови, герцог – кровный враг.
Но Розалинда – ангел во плоти.

(Уходит.)

Акт первый. Сцена третья

Покои в замке.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

СЕЛИЯ. Не может быть, Розалинда, сестричка! С нами Купидон! Неужели ни одного слова?

РОЗАЛИНДА. Ни единого. Дворняжке он бы, наверное, и то бросил бы одно-другое.

СЕЛИЯ. Но своими словами ты, пожалуйста, не бросайся: эти перлы не для дворняжек. Швырни-ка их мне, уничтожь меня умозаключениями.

РОЗАЛИНДА. Хороши же мы будем, если одну из нас уничтожат умозаключения, а другую – сведет с ума их отсутствие.

СЕЛИЯ. Касающихся твоего отца?

РОЗАЛИНДА. Разумеется, отца, но только отца моего будущего ребенка. Ах, до чего же богата шипами наша жизнь!

СЕЛИЯ. Нет, это репы, которыми порой бросают в нас дурачащиеся бездельники. А в основном репы пристают к нашим платьям, когда мы сами прокладываем себе дорогу.

РОЗАЛИНДА. Платье можно почистить, но эти шипы застряли в моем сердце.

СЕЛИЯ. Попробуй, может, они выйдут с кашлем.

РОЗАЛИНДА. Я бы не прочь, если бы звуки кашля могли зазвать его сюда.

СЕЛИЯ. Нет, ты должна побороть свои желания.

РОЗАЛИНДА. Увы, на их стороне лучший из борцов.

СЕЛИЯ. Не падай духом. А если уж борешься, помни: борьба чревата падениями. Но шутки шутками, а если не шутя: можно ли ни с того ни с сего до умопомрачения влюбиться в младшего сына старого де Бора?

РОЗАЛИНДА. Но мой отец, бывший герцог, был без ума от его отца.

СЕЛИЯ. И поэтому ты должна сходить с ума от его сына? Исходя из этого, я должна его невзлюбить, поскольку мой отец до безумия не любил его отца.

РОЗАЛИНДА. Не шути так. Ты не должна его не любить, хотя бы ради меня.

СЕЛИЯ. А за что мне его, собственно говоря, не любить? Разве он не заслуживает любви?

РОЗАЛИНДА. За заслуги я его и полюбила, а ты полюби его за то, что он заслужил мою любовь. Смотри, сюда идет твой отец.

СЕЛИЯ. Как он сурово смотрит, посмотри!

Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК со СВИТОЙ.

ФРЕДЕРИК. Коль скоро ты в живых остаться хочешь,
Оставь наш двор.

РОЗАЛИНДА. Вы это, дядя, мне?!

ФРЕДЕРИК. Тебе, племянница, и ты умрешь,

Когда за пару дней не удалишься

На двадцать миль от нашего дворца.

РОЗАЛИНДА. Но будьте милосердны, государь.

Прошу мне объяснить, в чем я грешна.

Когда сама себя я понимаю,

Не сплю и вроде не сошла с ума, —

Во мне и мысли даже не рождалось,

Чтоб вам, любезный дядя, ваша светлость,
Какую-то обиду нанести.

ФРЕДЕРИК. Предатели всегда так говорят,
И ежели изменника послушать, —
Покажется, святой заговорил.

РОЗАЛИНДА. Вы мне не доверяете, но это
Не делает изменницей меня.

В чем доказательство моей вины?

ФРЕДЕРИК. В том, что ты дочка своего отца.

РОЗАЛИНДА. Я дочь того, чей титул вы забрали,

Я дочь того, кого изгнали вы.

Но дети не наследуют измен.

А если б мы за близких отвечали,

Я ни при чем: отец мой не изменник.

Не делайте ошибки, ваша светлость,

Напрасно не вините сироту.

СЕЛИЯ. Отец, позвольте...

ФРЕДЕРИК. Селия, молчи!

Ее терпел я здесь из-за тебя,

Не то б она отца сопровождала.

СЕЛИЯ. Не я вас умолила разрешить

Остаться ей со мною при дворе:

Вы были так мудры и так добры.

Я в детстве не совсем сестру ценила,

Хотя мы с нею были неразлучны,

Не расставались даже по ночам.

Теперь же... коль изменница она,

То и меня изменницей зовите.

Как лебеди в упряжке у Юноны,

Мы неразрывно связаны с сестрой.

ФРЕДЕРИК. Но ведь она коварна! Тихой сапой

В доверье к людям вкралась Розалинда:

Все бедную жалеют сироту.

Она тебя обкрадывает этим.

Не возражай, дуреха, без нее

Заблещешь добродетелями ты.

Своих вердиктов я не отменяю:

Пока я герцог, ей не место здесь.

СЕЛИЯ. Пусть ваш вердикт коснется и меня:

Мне без нее не жить.

ФРЕДЕРИК. Ты просто дура!

А ты, племянница, поторопись.

Клянусь тебе: удержишься — умрешь.

Я в слове тверд.

(ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК и СВИТА уходят.)

СЕЛИЯ. Бедняжка Розалинда!

И что теперь нам делать? Может быть,

Нам следует отцами поменяться?
Пожалуйста, не плачь – ведь я не плачу.
РОЗАЛИНДА. Есть повод плакать только у меня.
СЕЛИЯ. Ничуть, сестра. Есть повод улыбнуться.
Неужто ты не поняла, что герцог
И дочь свою прогнал.
РОЗАЛИНДА. Не поняла...
СЕЛИЯ. Выходит, ты меня совсем не любишь.
А если бы любила, – ты бы знала,
Что мы с тобою слиты воедино.
Кто разорвет нас? Что нас разлучит?
Отцу я не наследница отныне.
Да разве я смогла бы отпустить
Тебя с твоей тоской наедине?
Клянусь судьбою, вынудившей нас
Бледнеть от горя, я тебя не брошу.
Ты можешь что угодно говорить,
Но я, представь себе, уже решила,
Куда и как бежать и что нам взять.
РОЗАЛИНДА. Ну, и куда?
СЕЛИЯ. В Арденнский лес, конечно!
Поищем дядю, твоего отца.
РОЗАЛИНДА. Пускаться в путешествие такое
Нельзя девицам. Падки негодяи
Не так на деньги, как на красоту.
СЕЛИЯ. Одеться надо, как простолюдинки,
А лица умброй загримировать.
На нас тогда никто и не посмотрит.
И побредем себе.
РОЗАЛИНДА. А может, лучше
В мужской одежде мне пуститься путь?
Ведь выше я, чем средняя из женщин.
Кинжал в руке, дубинка на плече —
И буду я, по-женски трепеща,
На доблестного мужа походить.
Так зачастую трус мужеподобный
Геройствует, испытывая страх.
СЕЛИЯ. Как назовешься, будучи женщиной?
РОЗАЛИНДА. Как мальчуган, украденный Кронидом:
Ведь я ничем не хуже Ганимеда.
И ты б сменила прозвище свое.
СЕЛИЯ. Сироттой я, наверно, назовусь,
Как и пристало изгнанной отцом.
РОЗАЛИНДА. А если б ты придворного шута
Уговорила с герцогом расстаться,
Нам было б с ним в дороге веселей.
СЕЛИЯ. Шута и уговаривать не надо:
Меня не бросит этот острослов.
Давай-ка деньги наши сосчитаем,

Обсудим час, когда верней бежать,
И как, сбежав, погоню обмануть.
Пойдем же. Добровольное изгнание —
Для нас свобода, а не наказание.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена первая

Арденнский лес.

Входят СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, АМЬЕН и ДВОРЯНЕ в охотничьих костюмах.

ГЕРЦОГ. Друзья мои, собратья по несчастью,
Войдя во вкус, мы зажили в лесу
Счастливее, чем прежде, во дворце.
Жить в роскоши опасней, чем в глуши,
Где лишь природа вымещает зло
На нас за первородный грех Адама.
Пускай клыки холодные свои
Вонзает в тело ветер и мороз,
Пускай терзает вьюга и пурга,
Я, из последних сил смеясь, шепчу:
«Вы не льстецы. Со свитою такую
Измены никакие не страшны».
Мы счастье и в несчастье обретаем,
Как драгоценный камень в голове
У жабы, ядовитой и поганой.
Вдали от света внятны стали нам
И лепет лип, и речи ручейков,
И говор гор, и смысл существования.
Я жить иначе больше не хочу.

АМЬЕН. Блаженна ваша светлость, если может
Так истолковывать удар судьбы, —
С таким изяществом и благородством.

ГЕРЦОГ. Аминь. А не убить ли нам оленя?
Хотя, когда в бока пятнистых дурней
Впивается двужалая стрела
И кровь течет из подданных лесных,
Я чувствую убийцею себя.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Да, ваша светлость, это удручает
И Жака, меланхолии слугу.
Ваш брат, который свергнул с трона вас,
По мненью Жака, менее виновен,
Чем вы, себе присвоив этот лес.
Сегодня мы с Амьеном наблюдали
За этим чудачком: под старым дубом,
Чьи корни ручеек лесной размыл,
Жак возлежал. Туда приковывлял
Олень, изнемогающий от раны.
Лес оглашал он стонами такими,
Так тяжело бока его вздымались,
Растягивая бархатную шкуру,
Что нам казалось, лопнуть может он.
Текли большие слезы по щекам

Рогатого лесного бедолаги.
Так жалкий гладкошерстный дуралей
Пред Жаком, меланхолии добычей,
Склонился, умирая, над водой
И заливал ручей ручьями слез.

ГЕРЦОГ. Едва ли Жак при виде этой сцены
Морали надлежавшей не извлек.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. О! В тысячах сравнений. Для начала
Он бедному оленю попенял:

«Как золото дарить ростовщику,
Так и ручей водою увлажнять».
Потом насчет панбархатных друзей,
Покинувших в несчастьи оленя,
Прошелся Жак: «Увы! Когда мы в горе,
Куда они деваются, – друзья?».
А тут они возьми и проскачи,
Лоснящимися шкурами сверкая.
На это Жак, вздыхая, произнес:
«Бегите, вы, заплывшие от жира.
Такие уж настали времена.

Какое дело вам до бедолаги,
Который обездолен и убит?».
И тут он гневной речью разразился,
Хуля весь мир, лачуги и дворцы
И нас и вас. Мы, он божился, хуже,
Чем узурпаторы и палачи,
Когда животных из родного дома
Мы изгоняем или губим их.

ГЕРЦОГ. Вы уходили – он все говорил?

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Да, государь, о плачущем олене
Он говорил и плакал вместе с ним.

ГЕРЦОГ. И где же он? С ним спорить интересно,
Когда он в меланхолии своей:

Тогда он полон всяческих идей.

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Могу я вам помочь его найти.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена вторая

Покои во дворце.

Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, ДВОРЯНЕ и СВИТА.

ФРЕДЕРИК. Что вы сказали? Их никто не видел?

Неправда. Не удался бы побег

Без ведома придворных интриганов.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Последними могли принцессу видеть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.